
Змея в лабиринте
Проклятие Эшфорд-Хилла
18+
ЗАГАДКА ИМЕНИЯ
ЗАГАДКА ИМЕНИЯ
Ли Гросс

Ли Гросс

Змея в лабиринте: проклятие Эшфорд-Хилла

Серия «Омен. Сводящие с ума расследования (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74801511
Л. Гросс. Змея в лабиринте. Проклятие Эшфорд-Хилла: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-233954-7

Аннотация

«Змея в лабиринте: проклятие Эшфорд-Хилла» – мрачный готический роман с детективной интригой, мистической атмосферой и семейной драмой, в которой прошлое оказывается опаснее настоящего. Потому что иногда самое страшное – не смерть, а то, что приходит вслед за ней.

После смерти графа Эшфорда в родовом поместье начинают происходить события, от которых стынет кровь: в ночь перед похоронами тело покойного бесследно исчезает из часовни. Чтобы раскрыть тайну, дочери графа приглашают частного сыщика Томаса Ливингстона – человека, привыкшего иметь дело с самыми тёмными и запутанными историями. Вместе с

ним в Эшфорд-Хилл приезжает юный помощник Джимми, чья смекалка и наблюдательность не раз выручали в самых опасных обстоятельствах.

Но это расследование оказывается не просто делом о пропаже. Поместье окутано тревожным туманом, слуги шепчутся о зловещих видениях, а за благопристойным фасадом семьи Эшфорд скрываются страсти, тайны и следы давней трагедии. Каждая из дочерей что-то утаивает, и чем глубже Ливингстон погружается в эту историю, тем очевиднее становится: исчезновение тела – лишь начало.

«Для поклонников готического детектива и мистических семейных саг.

Камерный готический хоррор-детектив в Викторианской Англии конца 1880-х, где просторный мир стремительно сжимается до классической английской герметичности – и в освободившееся пространство, как туман, просачивается мистика. А вместе с ней – сострадание и человечность там, где их, казалось бы, уже не ждёшь». – *Мария Воробьи, автор «Вербы Вавилона»*

Содержание

Глава 1. Змея, свернувшаяся в лабиринте 6
Глава 2. Совсем никого 45
Глава 3. Сверххищник 71
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Ли Гросс
Змея в лабиринте. Проклятие Эшфорд-Хилла

© Баранова Ю., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1. Змея, свернувшаяся в лабиринте

21 октября 1889 года,
Лондон, район доков,
вскоре после полуночи

Слабый лунный свет озарял выложенную брусчаткой мостовую. Добротная, камень к камню, она казалась единственной достойной частью всего этого жалкого портового района. В остальном гордиться здесь было нечем: бедность, клопы и нечистоты давно превратили его в гниющую смрадную дыру, в которую стоило соваться, только имея на то очень веские причины.

Например, безграничное отчаяние и полную безысходность.

Но если это относилось лишь к местным жителям, то случайные гости могли оказаться здесь и по-другому: во времена моей службы констеблем, чтобы попасть сюда в патруль, достаточно было лишь прилично провиниться. Что-что, а это я знал не понаслышке – будучи еще юнцом, пылающим бесконечной жаждой справедливости и такой же бесконечной глупостью, я поймал одного сержанта на взятках. Тот не глядя выдавал справки о смерти, помогая родителям по-

гибших детей получить у профсоюзов страховые выплаты. И его вовсе не волновало то, что многие дети погибали при весьма подозрительных обстоятельствах: содержать лишний рот в Лондоне могли себе позволить не все. Но, вместо того чтобы сдавать детей, которых они не могли прокормить, в работные дома, некоторые особо отчаянные готовы были лично избавиться от такого тяжкого бремени, предварительно застраховав свое чадо…

Как бы то ни было, особого толка мой отчет не принес: сержанта лишь слегка пожурили (и то скорее за то, что попался), а вот его покровители, с которыми он делился процентом, обеспечили мне смены в порту среди забулдыг, проституток и мелких жуликов на долгих три месяца. С тех пор жажды справедливости у меня поубавилось, а несколько лет примерной службы и повышение до инспектора позволили больше не морозить себе задницу в патрулях. Так что, к своей огромной радости, в районе доков я не появлялся уже несколько лет.

Сегодняшний день оказался исключением.

Я выругался и со злостью захлопнул за собой дверь паба. Та пронзительно всхлипнула и чуть не слетела с петель, но мне было решительно все равно. Мне сложно было смириться с тем, что встреча в дешевой забегаловке самой отвратительной части города оказалась лишь глупым розыгрышем. У меня были все основания так считать: таинственный информатор, на которого я возлагал большие надежды, спешно

ретировался прямо посреди разговора, так и не сообщив ничего ценного. Напоследок он оставил лишь бесполезные бумажки, спутанные извинения и обещание связаться со мной позже.

Верилось в это с трудом: я понял, что не знаю о странном типе ровным счетом ничего. Своего имени он не назвал, а цилиндр с нелепо огромными полями отлично скрывал его лицо от скудного освещения газовых ламп. Пожалуй, единственной примечательной деталью гардероба моего собеседника было красное перо, заткнутое за ленту вышедшей из моды тридцать лет назад шляпы. Вот только вряд ли этого хватит, чтобы найти человека в огромном, забитом, как повозка могильщика после Рождества, городе…

Проклятье! Мысль об очередной неудаче настолько выбила меня из колеи, что я поскользнулся и чуть не угодил в сточную канаву, густо поросшую чертополохом и ракитником. Ботинки тут же промокли и покрылись зловонной рыбьей чешуей. Что ж, заявиться сюда в приличной обуви было сомнительным решением. Дав себе зарок впредь ступать осмотрительнее, я сделал еще один шаг и… чуть не споткнулся о тело.

Оно лежало прямо посреди дороги, преграждая путь свободолюбивому ручейку помоев. Настолько свободолюбивому, что ему пришлось проложить себе новое русло: ручеек огибал правое плечо и голову лежащего на мостовой мужчины, возвращаясь к своему нормальному течению где-то в

районе его колен. Самому мужчине это, кажется, ничуть не мешало. А может, ему уже было все равно.

Я подошел чуть ближе и пригляделся. Дышит или показалось? В такой темноте и не разберешь: тусклые газовые фонари в районе доков горделиво возвышались только у пабов и борделей. Конечно, не для удобства клиентов – так вышибалам было сподручнее выколачивать деньги из тех, кто попытался смыться не заплатив.

Я наклонился над лежащим и поморщился, прикрывая лицо рукавом. В нос ударила ядреная смесь дешевого пойла и давно не чищенного отхожего места. Как назло, ветер тут же усилился, давая шанс почувствовать каждую нотку изысканного аромата. Глаза предательски заслезились: кажется, насчет «давно не чищенного» я погорячился. Вернее было бы сказать – никогда. Словно в подтверждение этой мысли мимо прошмыгнул темный шерстяной комок, остановился возле тела, принюхался и с возмущенным писком метнулся куда-то в сторону.

Что ж, кажется, даже крысы брезгуют местными жителями. Мне было сложно их в этом винить: преодолевая отвращение, я наклонился и протянул руку к плечу лежащего на земле мужчины.

– Эй, ты чего там удумал?! – тут же раздался визгливый голос откуда-то сзади.

Что-что, а неприятности, благодаря которым можно попасть в полицейские отчеты, этим вечером мне были совер-

шенно не нужны. Я отдернул руку и обернулся – в распахнутых дверях клоповника за моей спиной стояла женщина. Сальные, непонятного цвета волосы, застиранное штопаное платье на пару размеров меньше нужного, кривой, не раз переломанный нос и рытвины от оспы, которые не могло скрыть даже отсутствие освещения и несколько унций смертельного оттенка белил.

– Ты кто такой, а? А ну, пошел отсюда! – возвестила милая дама, приближаясь. – Сейчас кузенов на тебя натравлю – будешь знать, как тут отираться!

Я молча пожал плечами, поднялся и нырнул в тень соседнего дома – судьба этого несчастного меня никак не касалась. Наверняка он знакомый этой крикливой особы, которая вполне способна сама о нем позаботиться…

Тем временем дама подошла к лежащему, оглядела пропитанные грязью обноски и смачно выругалась:

– А ну, вставай, выродок! Думаешь, можешь вот так просто свалить, не заплатив за пойло?! Ты и так мне уже шиллинг должен! – Она со всей силы пнула лежащего под ребра. – Эй, ты там сдох, что ли?

Мужчина не шевелился. Дама в оспинах сплюнула на мостовую, с кряхтением наклонилась и начала обшаривать карманы его лохмотьев, ворча и приговаривая что-то себе под нос. Что ж, кажется, и правда знакомый. А вот насчет заботы не задалось…

Впрочем, не мое дело. Я поднял воротник, перешагнул

очередную кучу помоев и проверил, на месте ли полученные от информатора документы. Все здесь. Надеюсь, я ошибся и в них обнаружится хоть что-нибудь полезное – тогда путешествие в эту клоаку того стоило.

Я вытер ботинки платком и, без раздумий избавившись от него, двинулся прямо, по дороге. К сожалению, им это не сильно помогло. Глядя на обильные потеки едва ли не разъедающей их грязи и прочий налипший мусор, я думал лишь об одном: можно ли избавиться от дерьма, не нырнув в него с головой?

21 октября 1889 года,
Лондон, район доков,
около часа ночи

Услышав глухой вскрик, старый нотариус не удивился. Он только переставил догорающую свечу ближе к краю стола, чтобы она ярче освещала дверь в комнату, и принялся ждать. Не прошло и нескольких секунд, как на лестнице раздались легкие, но уверенные шаги. Незваный гость даже не пытался скрываться.

– Как обычно, считаешь, что ты вправе делать все что угодно, – покачал головой старик, но в недоумении замолк, когда дверь распахнулась.

Он ожидал увидеть кого-то другого, но тусклый свет свечи выхватил из темноты щуплый силуэт высотой не больше

пяти футов. Простое лицо, курносый нос, непритязательная, порядком потрепанная одежда. И белесые, обжигающие холодным презрением глаза.

– Так это все-таки ты, – хмыкнул старик. В его голосе послышалось восхищение. Он взял огарок свечи и вытянул руку вперед, чтобы лучше разглядеть лицо стоящего перед ним мальчишки, беспризорника лет десяти-двенадцати.

От яркого света тот даже не поморщился, продолжая сверлить старика презрительным взглядом. Только губа слегка дернулась, будто пытаясь скривиться в усмешке.

– Зрачки уже не реагируют. Недолго ему осталось, – старик задумчиво пожевал губами, осматривая затягивающиеся белым глаза. – Но признаюсь, когда ты в первый раз пришел ко мне с этой идеей, я посчитал ее невозможной. Как же ты все-таки смог?

Мальчишка не отвечал.

– Если только… Ты… – прищурился старик. Его лицо озарила догадка, смешанная со страхом. – Нет, это же безумие!

Свеча в руке дрогнула, а огонек в ней заплясал от потока воздуха – мальчишка хрипло засмеялся. Надрывно, скомканно и слишком громко. Сложно было представить, что этот странный звук издают голосовые связки ребенка.

– Не безумие, если я успею добраться до Врат, – звук прекратился, а рот мальчишки растянулся в ухмылке. Кукольной и неестественной, как все его движения.

– До Врат? И что потом? Откроешь их? – недоверчиво

протянул старик и вдруг улыбнулся.

Мальчишка, который только что сам заходился смехом, дернулся. Его лицо перекосилось от ярости, а белесые глаза сузились.

– Что в этом смешного? – прошипел он, но старик продолжал смотреть на него с той же безмятежной улыбкой. Ровно до тех пор, пока не упал на пол: мальчишка с воплем толкнул его, вскочил на тощую стариковскую грудь и ухватился маленькими руками за хрупкую шею.

– Что в этом смешного? Что смешного?! – кричал он, сжимая все сильнее и сильнее. – Почему ты улыбаешься?!

Но старик уже не мог ответить. Свеча из его ослабевшей руки упала на пол. Пышный персидский ковер занялся пламенем, которое отразилось в пустых бельмах глаз мальчишки. Он разжал руки, маленькие и слабые, такие слабые, что их силы еле хватило задушить немощного старика, и покачал головой. Гнев на Аддерли был всего лишь наследием из прошлой жизни.

В этой же жизни, пусть пока и недолгой, пора было заканчивать с одним и переходить к следующему, более важному шагу. Мальчишка схватил с полки старика сургучную печать, быстро проглядел несколько писем – проверить, что он достаточно хорошо помнит почерк нотариуса, и выбежал на улицу по лестнице вниз, ловко переступив через несколько лежащих возле входной двери тел.

Не устояв, мальчишка обернулся на занимающийся пла-

менем богатый дом на самой границе с доками и вновь ухмыльнулся: устаревшие взгляды Аддерли посеяли меж ними раздор двадцать лет назад и окончательно разделили сейчас. Жаль, что старик настолько закостенел, что так и не перешел со свечей на газовые светильники…

21 октября 1889 года,
центральный Лондон,
около трех часов ночи

Несколькими часами позже у себя дома я просматривал все, что мне удалось достать на Смиттерсона. Этот тип занимал пост суперинтенданта всего пару лет, но и до этого умудрился наследить почти в каждом сомнительном происшествии, на которое полиция почему-то закрывала глаза.

Большинство этих происшествий объединяло одно: в Лондоне пропадали люди.

Они исчезали без причин и объяснений. Не допив чашку чая, не докурив сигару, не забрав у бакалейщика срочный заказ, не уложив детей спать. И как минимум части из этих исчезновений предшествовал визит странных джентльменов. Они были одеты в штатское, ходили по двое-трое, не имели оружия, но забирали своих жертв без какого-либо, даже формального сопротивления. Тихо и мирно, под покровом ночи.

И мне было сложно вообразить, почему такое оказалось

возможным. Все это выглядело как заговор. Заговор хорошо организованных, обеспеченных деньгами и связями людей прямо здесь, в сердце Лондона. Казалось, в такое мог поверить только заядлый конспиролог. О, я бы тоже посчитал сумасшедшим любого, кто решился бы поведать мне такое хоть за стаканом бренди, хоть за чашкой чая.

Вот только… Одно из похищений я видел собственными глазами. Семнадцать лет назад люди в штатском забрали мистера Олсона, моего учителя по естественным наукам. Тогда, будучи двенадцатилетним бунтарем, я частенько сбегал от матери. В вечера, когда ее упреки и болезненная, граничащая с одержимостью забота становились совсем невыносимыми, я отправлялся к мистеру Олсону в его скромные апартаменты на соседней улице. Там я занимался вместе с другими его подопечными, читал книги (те, что были дома, я давно выучил наизусть), но главное – слушал и впитывал удивительные истории, которые будоражили мое детское воображение: до работы гувернером Олсон много путешествовал. Индия, Китай, Австралия, Греция… Даже Египет! Места, настолько отличающиеся от единственного, что я когда-либо видел, – привычного грязно-серого Лондона, – что их сложно было даже вообразить.

Но я очень старался это сделать, забрасывая учителя самыми разными вопросами. И больше всего меня интересовал один: как после всех этих путешествий можно было вернуться назад, к скучной городской жизни? На что учитель,

обожавший к месту и не к месту одаривать нас мудрыми поговорками, неизменно отвечал что-нибудь вроде: «Восток или Запад, а дом лучше». Конечно, я ему ни на йоту не верил и переспрашивал вновь, ведь мне казалось, что за причастность к этим историям, к другому, сказочному миру, полному чудесных вещей и удивительных приключений, можно отдать жизнь.

Тем не менее в вечер, когда явились незнакомцы, я не сделал ничего. Только сидел в платяном шкафу, куда заставил меня спрятаться мистер Олсон, и держал скрипучую, пытающуюся открыться дверцу в надежде, что меня не заметят. И, хотя все длилось несколько минут, вылезти я решился только под утро – когда руку свело так, что она не разгибалась еще месяц.

Влияние той старой истории оказалось так велико, что даже сейчас, спустя годы, рука время от времени начинала подрагивать и ныть, словно одержимая призраком того вечера. К счастью, такое случалось нечасто, и в участке никому не было известно об этом маленьком странном недуге.

Что же до исчезновения мистера Олсона… Через пару дней к его дому пришла полиция – семья, на которую он работал, заявила о пропаже. Я видел это, потому что, мучимый чувством вины, крутился неподалеку все это время в надежде… В надежде бог знает на что.

«Любопытство сгубило кошку», – прокомментировал бы такую неосмотрительность учитель, и, возможно, оказался

бы прав, но именно тогда мне повезло в первый раз – среди нескольких явившихся на вызов констеблей я узнал его. Одного из тех, кто был в доме Олсона. И пусть, сидя в шкафу, я ничего не видел, голос человека, который попросил учителя пройти с ним, я запомнил на всю жизнь.

Ошибиться было невозможно.

Так я узнал о существовании Смиттерсона. В те времена он служил рядовым констеблем лондонской полиции, но и тогда, и, как это стало доброй традицией позже, возглавляемое им расследование закончилось ничем. Олсона с тех пор никто не видел, а через месяц прошли слухи, что он попросту сбежал от карточных долгов и осел где-то на севере. Потом о нем и вовсе перестали говорить – как и о многих других, кто пропал до и после него…

В побег учителя я никогда не верил – Смиттерсон и его подручные не были похожи на нанятых выбивателей долгов. Не верил я и в то, что похищения – работа тайной полиции или других королевских служб. Слишком уж случайными выглядели жертвы. Казалось, их не связывало ровным счетом ничего. Среди пропавших были и прачка из трущоб, и банковский клерк из шикарного офиса в центре города, и престарелая вдова, которая уже десять лет как ослепла и не показывала носа на улицу, и мальчишка-мусорщик, собирающий отходы на берегу Темзы… Список людей из разных мест, сословий и жизненных обстоятельств можно было продолжать вечно.

Но, пока я собирал информацию о них, мне повезло во второй раз: парочка пусть и не очень надежных свидетелей утверждала, что видела у ночных гостей странные рисунки на запястьях. Змея, свернувшаяся в лабиринт, – знак, нарисованный по их описаниям, я назвал для себя именно так. Но мои наброски оказались не похожи ни на одну эмблему хоть сколько-то известных обществ или организаций, что удалось найти в библиотечных справочниках.

Нет, за всем этим стояло что-то другое. Кто-то другой. Новое тайное общество? Секретная антиправительственная организация? А может, группа продажных служителей полиции, купленная богатыми аристократами для своих нужд?

Я склонялся к последнему: спустя пару лет мне удалось найти еще нескольких ее участников. Они тоже оказались полицейскими, но выглядели совсем мелкими сошками по сравнению со Смиттерсоном, который гигантскими прыжками взбирался по карьерной лестнице. Уже через два года не слишком выдающейся работы он дослужился до инспектора, а через десять – стал суперинтендантом. И все эти годы он оставался единственной ниточкой, которая вела меня к настоящим организаторам. Впрочем, других и не было – до поступления на службу мои возможности заниматься этим делом ограничивались лишь расспросами бродяг да осторожными попытками выведать что-то у родственников и соседей жертв.

Думаю, именно желание изобличить Смиттерсона (а глав-

ное – его тайных нанимателей) и привело меня в полицию. Вопреки желанию матери. Это можно было понять – с нее вполне хватило страданий от того, как обернулась служба для моего отца. Он погиб при исполнении, когда мне не было и восьми, так что матушка вовсе не горела желанием расстаться и со мной. А уж после смерти Лиззи…

Впрочем, сопротивление матери оказалось единственной настоящей преградой: поступить на службу в лондонскую полицию оказалось совсем несложно. На здоровье я не жаловался, а сама работавшая гувернанткой мать дала мне отличное образование: большинство новобранцев с трудом могло читать, что уж говорить о письме. Пожалуй, это даже навлекло на меня кое-какие подозрения: с такими знаниями легко можно было устроиться на работу банковским клерком на куда более приличное жалованье, чем те жалкие подачки, что платили полицейским. Так что довольно скоро я привык не щеголять лишний раз своей хоть и не слишком впечатляющей для обеспеченных людей, но непривычной для служителей закона образованностью.

И тогда мне повезло в третий раз: когда я добился перевода в центральное отделение под командование Смиттерсона, ни он, ни его подручные меня не узнали. То ли я умудрился не попасться им на глаза возле дома Олсона, то ли десять с лишним лет прилично изменили мою внешность. И то и другое меня полностью устраивало и давало шанс находиться поближе к Смиттерсону в надежде, что в один прекрас-

ный день он себя выдаст.

Вот только он не торопился этого делать. Шли годы, информации не прибавлялось, новых исчезновений больше не было, и я постепенно погряз в служебной рутине, почти забыв о том, что именно привело меня в Управление лондонской полиции… Ровно до вчерашнего дня, когда кто-то подсунул под дверь апартаментов, что я снимал на Уиллоу-стрит, сложенную в несколько раз записку, написанную аккуратным ровным почерком. Приглашение встретиться и поделиться тем, что интересует меня уже очень много лет… И, пусть это и означало, что о моем импровизированном расследовании против собственного начальника кто-то знал, я не смог устоять.

Но что это дало?

Я разложил бумаги, любезно предоставленные мне информатором, и наугад вытянул пару желтых, не первой свежести листов. Больничные выписки, сметы, отчеты о ремонтных работах… Что за странный набор! Я в раздражении швырнул бумаги на стол, стараясь сдержать зевоту. Время уже давно минуло за полночь, но с улицы доносился громкий шум и гул голосов. Разбираться, из-за чего весь сыр-бор, не было ни малейшего желания. Пьяная драка в пабе – самая частая причина такой суеты. Спасибо, я лучше вздремну.

Стоило об этом подумать, как в дверь раздался настойчивый стук.

Дьявол! Воображение уже рисовало бравых ребят Смит-

ти, готовых прямо с порога выколотить из меня дух за попытки так бесцеремонно копать под их начальника. Я поморщился и тряхнул головой. Какая чушь! К чему думать о таком варварстве, когда есть гораздо более легкие и изящные способы от кого-то избавиться. Например, подкараулить в темной подворотне…

Стук повторился.

Это вряд ли были ребята Смиттерсона, но господа, что могли позволить себе шляться по домам в такое время, обычно не вызывали у меня доверия. Я потянул на себя ящик стола, вытащил из него купленный много лет назад револьвер и подкрался к входной двери.

– Мистер инспектор! Мистер инспектор, откройте! – донесся с порога тонкий детский голос.

Узнать его было несложно. Джимми Заноза-в-Заднице работал мальчиком на побегушках у центрального отделения полиции больше года, за что еженедельно получал свои пару шиллингов. А иногда и горсть тумаков от других беспризорников, которые тоже были не прочь подзаработать. Обычный паренек лет десяти с вечно спутанными соломенными волосами, непонятно как выживающий на улице в компании таких же невезучих сорванцов. Откуда он получил свое прозвище? Ну, для начала, мальчишка был прилипчив, как репей…

«Может, если я не открою, он просто уйдет?» – пронеслась в голове наивная мысль. Я наклонился к двери и при-

слушался.

– Мистер инспектор, я слышу, что вы не спите! – раздался истошный вопль прямо из замочной скважины.

Я отшатнулся от двери, потирая чуть не оглохшее ухо. Чтоб тебя, мелкий паршивец! Видимо, над бесшумной походкой еще стоит поработать. Наверняка во всем виноваты скрипучие дряхлые половицы!

Спрятав револьвер за спину, я слегка приоткрыл дверь:

– Чего тебе? Моя смена начнется только утром.

Джимми попытался просочиться внутрь, но я бесцеремонно перегородил ему дорогу. Впрочем, пацана это ничуть не смутило.

– Смитти велел всех созвать! Дел невпроворот! – выпалил он и выдохнул, будто опасаясь, что вся эта архисложная информация в любой момент может покинуть его голову и больше никогда туда не вернуться.

Впрочем, этого нельзя было исключать: сообразительностью и памятью мальчишка никогда не отличался.

– Сам Смитти и совсем всех? – усомнился я.

Хотя Смиттерсон и руководил всем центральным отделением, моим непосредственным начальником был Генри Гудман. Правда, занимал он эту должность исключительно благодаря своим прошлым заслугам: последние лет десять старик не расставался с бутылкой.

– Берите выше! Шеф МакКинли велел Смитти, Смитти велел Гудману, а Гудман велел всем нашим передать! Вот,

даже приказ есть! – Джимми продемонстрировал засаленный листок, извлеченный откуда-то из складок одежды.

Я взял его двумя пальцами и развернул. Неровная закорючка под текстом и правда была похожа на подпись Гудмана. А жирные пятна вокруг нее – на следы разгульного застолья. Сами детали приказа разобрать оказалось сложно – почерк начальника и на трезвую голову оставлял желать лучшего. Приходилось надеяться только на то, что мальчишка в точности запомнил поручение…

– А чем заняты все остальные? – уточнил я.

Джимми посмотрел на меня как на последнего недоумка:

– Так пожар тушат в портовом районе! Полыхает уже добрых полночи – того и гляди весь сгорит! А может, и дальше разойдется, тогда вообще ой-ей что будет!

Пожар?..

Я посмотрел на восток. На покатых крышах домов отражалось слишком яркое для ночного города зарево. Что ж, значит, не пьяная драка… И именно в том районе, где я побывал всего несколько часов назад. Совпадение? Не исключено – плотность застройки и нравы местных часто приводили и к более плачевным последствиям. Впрочем, это ничего не меняет. Проблемой при пожарах в Лондоне всегда был недостаток воды для тушения, а не людей.

– А мистер инспектор тут нужен, потому что?.. – постарался навести Джимми на мысль я.

Тот на секунду задумался. На его лице отразилось муче-

ние, но затем он посветлел и взмахнул руками:

– Так это, пожаром занятые ж все! А тут еще в богатейском особняке мертвеца нашли! Смитти сказал, нужно срочно разобраться – и с пожаром, и с мертвецом тем! Но на пожар-то я уже поднял всех, кого велели, а вот сходить мертвеца посмотреть некому…

На секунду он задумался, проводя в уме сложные расчеты, а затем подытожил:

– Значится, это… Вам с ним и разбираться!

Кто бы сомневался. Один мертвый аристократ – и полиция бросается расследовать дело сломя голову. А смерть бедняков, что отправляются исследовать лучший мир по три дюжины за сутки только в центре Лондона, не заставит никого в Управлении даже почесаться…

Впрочем, неважно: раз сегодня уже вряд ли удастся уснуть, можно и поработать. А вот револьвер лучше оставить дома: лондонским полицейским, по заветам Пиля, полагалось орудовать только деревянными дубинками. Объяснять наличие при себе оружия не входило в мои планы, как и делиться с Джимми информацией об имуществе, нажитом не самым законным путем, – паренек то еще трепло.

Пока мальчишка ждал на улице, я бросил револьвер обратно в стол и рассыпал поверх него кипу полученных от информатора бумаг. Не очень надежно, но хотя бы не на виду. Окинув эту картину взглядом, решил, что достаточно постарался. Накинул сюртук, надел шляпу и направился на оче-

редную неожиданную встречу с промозглым, желтовато-серым Лондоном.

21 октября 1889 года,
западный Лондон,
около четырех часов утра

На поиски извозчика и дорогу ушло около часа. Я спрыгнул с чуть не отвалившейся даже под моим скромным весом подножки кэба и размял затекшие ноги. Джимми, ничуть не растерявший энергии, деловито выскочил следом. Это чуть не стало последней каплей для несчастной ступеньки. Она издала такой истошный скрип, что кебмен смерил нас подозрительным взглядом, уже готовясь выставить счет за порчу имущества. Я только пожал плечами (ступенька ведь все еще была на месте!) и поторопил зазевавшегося мальчишку: пришлось прихватить его с собой – Джимми утверждал, что его семья раньше жила в этом районе и что он неплохо знал окрестности. Будто стараясь это доказать, беспризорник обсуждал каждую кочку и всю дорогу не замолкал ни на секунду.

Вплоть до момента, когда мы вышли из кеба…

Луна сегодня светила особенно ярко, и разглядеть, куда мы прибыли, не составило особого труда. Перед нами высились массивные кованые ворота в два человеческих роста, которые внезапно продолжались в обе стороны изгородью

едва ли по колено. Кажется, хозяин особняка очень избирательно защищал свою приватность… Впрочем, перешагивать даже такой невразумительный забор казалось дурным тоном.

Я подошел к воротам и слегка толкнул гигантскую створку. Она отъехала без единого скрипа, будто вовсе ничего не весила, и мы оказались на территории особняка сэра Реймонда Олдриджа. Именно этот джентльмен, по словам Джимми, отбыл на тот свет сегодня ночью. Имя мне ни о чем не говорило, но, глядя на огромный дом, сомнений в высоком положении его хозяина не оставалось: массивный фундамент и несколько ярусов, венчаемых колоннадой, должны были кричать о достатке и статусе, но наводили лишь мысли о мавзолее. И мне казалось решительно невозможным, что кто-то в здравом уме готов был здесь жить, а не покоиться…

Рука вдруг предательски заныла, хотя уже несколько лет до этого никак меня не беспокоила.

– Жуть, да? – надрывно прошептал Джимми.

Я утвердительно хмыкнул, но мальчишка продолжал пялиться на меня, словно фокусник, ожидающий реакции публики на вытащенного из пустой шляпы кролика. Сам же он, кажется, был не слишком впечатлен этим мрачным строением.

– Не первый раз за воротами? – озвучил свою догадку я.

Глаза Джимми сверкнули азартом.

– А то! Мы с уличными иногда пробираемся сюда, чтобы

это… ну… обряд Посвящения провести! Только тс-с, никому ни слова, это секрет!

Малец состроил серьезное лицо и уставился на меня. Ох уж эти детские развлечения… Впрочем, можно и подыграть.

– Посвящение? И куда?

– В рыцари, куда ж еще! – мальчишка удивленно округлил глаза, словно вступление в ордены было привычным занятием для местной детворы.

М-да, во времена моего детства игры были как-то попроще. И не подразумевали проникновение на чужой двор. По крайней мере, такой…

– А места поприятнее не нашлось? – не удержался я.

Этот Олдридж, конечно, носил титул «сэр», но таких рыцарей было достаточно и поближе к центру города. Впрочем, оказалось, что дело было вовсе не в этом.

– Долг рыцаря – защищать простых людей от всякой чертовщины, и… это… – кажется, Джимми решил процитировать свой рыцарский кодекс, но сбился и закончил как мог, – …а тут, в общем, всякое творится! Так что, кто докажет, что он ого-го какой смелый, чтобы нечисти местной не пугаться, – того, значит, и принимаем к нам в Орден!

– И что же такого тут творится? – уже неподдельно заинтересовался я.

– Ну, это… Слышат тут всякое и видят иногда… Голоса из-под земли, будто демоны из ада ревут, огни мелькают, тени. Говорю же – чертовщина! – кажется, Джимми был все-

рьез озадачен таким непонятливым собеседником. – Сам-то я не видел, но наши говорят… Они-то уж врать не станут!

Вот оно что, очередные байки дворовых мальчишек. Что ж, не очень надежный источник – эти вечно найдут себе приключения на ровном месте…

Конечно же, вслух я озвучил немного другое:

– Угу, ясно.

– Не верите, да? – прищурился малец. – Вот и Уолли тоже не верил! Говорил, мол возьму да пролезу в дом колдуна этого! И трофей прихвачу, чтобы вам всем доказать!

Джимми сделал театральную паузу.

– Ну и? – не удержался я, хотя не планировал сдаваться так быстро.

– А потом взял да так и не вернулся! – торжественно провозгласил Джимми.

Какая удивительная история…

– Беспризорник?

Мальчишка наморщил лоб и кивнул, явно не понимая причину вопроса.

Я вздохнул и пояснил, в очередной раз удивляясь, как этот пацан умудряется выживать на улице:

– Скорее всего, Уолли поймали и сдали в полицию за какую-нибудь мелкую кражу. Или чем вы там обычно промышляете… А полиция определила его в ближайший работный дом.

«Или парень струсил, сбежал и прибился к другой дво-

ровой шайке», – добавил про себя я. Что ж, одной загадкой меньше. Надеюсь, с трупом сэра Олдриджа удастся разобраться так же легко.

Джимми надулся и замолчал. Кажется, моя версия, в которой не было места таинственным темным силам, его совсем не устроила.

– Знаешь еще что-нибудь о хозяине? – я решил перевести разговор в другое русло.

Беспризорник почесал затылок и с сомнением глянул на меня.

– Да так-то я, кроме имени, ничего толкового и не слышал. Поговаривают, конечно, всякое. И про хозяина, и про дом этот…

Мальчишка опять многозначительно замолчал. Кажется, решил отомстить мне за неверие в мистическую природу исчезновения его друга.

– Не тяни, выкладывай уже, – поморщился я.

Долго уговаривать не пришлось – Джимми сложно было молчать дольше пяти секунд.

– Место это проклятое – все в округе так говорят! А виной всему хозяин – он что ни на есть самый настоящий колдун! – мальчишка успел сорвать где-то прут и теперь размахивал им как мечом в такт своим словам. – На люди не показывается, никто его и не видел почти. Даже из тех, кто давно здесь живет! Говорят, он за этот домище и богатства душу дьяволу продал! О, а еще он порчу насылать умеет – вот на мужика

одного зыркнул из окна, так тот сразу в навоз конский ка-а-ак упал! Прямо лицом вниз, ого-го! Еще бы чуть-чуть, да и задохнулся – еле вытащить успели!

Я присвистнул, стараясь изобразить удивление. Пусть Джимми и не рассказал ничего полезного, за разговором мы успешно преодолели расстояние, отделяющее нас от парадного входа в особняк. Вблизи дом выглядел уже не так пугающе и был совсем не похож на пристанище дьявольских сил, о котором говорил Джимми. Скорее уж он выглядел как претенциозная безвкусица по лондонской моде тридцати-, а то и сорокалетней давности.

От досужих размышлений меня отвлек появившийся на пороге дворецкий – невзрачный мужчина лет пятидесяти. Он поразительно быстро откликнулся на стук, будто все это время поджидал нас прямо за дверью.

– Добро пожаловать в дом сэра Реймонда Олдриджа, господа. Проходите, вас уже ждут, – проговорил он с легким шотландским акцентом и застыл в приглашающем жесте.

Судя по флегматичному виду, он несильно скорбел о своем безвременно ушедшем хозяине. Хотя, если верить огромному портрету на стене, не столь уж безвременно: суровому мужчине на нем было на вид лет восемьдесят, а то и все девяносто. Итак, очень далекий от молодости человек скончался в собственном доме… Кажется, дело обещает быть легким: нужно лишь засвидетельствовать смерть сэра Олдриджа от вполне естественных (в силу его возраста) причин и спокой-

но отправиться обратно домой.

Впрочем, моя радость длилась недолго.

Дворецкий подождал, пока мы снимем верхнюю одежду, и сопроводил нас из фойе в галерею – длинную комнату с высоким арочным потолком. По обеим ее сторонам на стенах висели головы диких животных. Они бессмысленно пялились стеклянными глазами в пустоту, а их морды щерились жуткими оскалами. Вот только теперь это производило совсем не то впечатление: попытка придать мертвым животным былую опасность выглядела на удивление наивно и жалко.

Я не удержался и фыркнул, игнорируя неодобрительный взгляд дворецкого.

– Они что, сами всех этх зверюг прикончили? – шепотом спросил Джимми.

– Разумеется. Лично загрызли, – так же тихо ответил я.

В детстве я думал, что все эти нелепые трофеи просто выдаются им вместе с титулом. Чтобы представить этих обычно грузных и разучившихся передвигаться без кареты господ удачливыми охотниками, нужно было напрячь все воображение…

Наконец мы миновали галерею и оказались в небольшой полукруглой комнате с камином. Возле него лежало накрытое тканью тело, а поблизости нервно расхаживал тип в форме рядового полиции. Я узнал в нем одного из наших констеблей. Не самого сообразительного, Доусона, если мне не

изменяла память. Завидев нас, он занервничал еще больше. К чему бы это?

– Докладывайте, констебль.

Доусон моргнул. На его круглом, по-детски простодушном лице отразилась растерянность. Он уставился на меня. Потом – на Джимми, которого подозрительно заинтересовало чучело кабана. Потом снова на меня. Наконец, спохватился и резко вытянулся по стойке смирно:

– Констебль Доусон, сэр! Нахожусь на дежурстве, сэр! – отрапортовал он и затравленно огляделся по сторонам, словно ища поддержки.

Да что не так с этим парнем?

Я откашлялся, напоминая ему о своем существовании. Констебль снова сфокусировал взгляд на мне и продолжил:

– Э-эм… Ну… В общем, я был в патруле на соседней улице – участок мой постоянный, меня все тут знают. Смотрю, горничная Олдриджа бежит и причитает, что с хозяином беда… – Доусон снова замялся. – Вот я и отправил посыльного в Управление, а сам пошел на место разбираться…

Каждая фраза давалась ему с трудом. То ли он и правда был тугодумом, то ли пытался не сболтнуть лишнего. Ладно, разберемся позже. Я оставил констебля в покое и огляделся вокруг.

Пожалуй, стоило начать с осмотра тела. С этого ракурса темное, правильной круглой формы пятно у головы сложно было не заметить. Кажется, я ошибся насчет естественной

смерти. Если какая-либо смерть в принципе может считаться таковой… Я присел на корточки рядом с телом и коснулся края материи. Плотная ворсистая ткань, гобелен или портьера, покрытая вязью растительных мотивов. Я приподнял ее и отшатнулся, хотя наивно думал, что готов ко всему. Голова старика выглядела так, словно на нее с высоты башни Кафедрального собора упало что-то очень тяжелое. Например, наковальня. Ладно, вряд ли это была наковальня – скорее уж выстрел в лицо из чего-то крупнокалиберного. Я огляделся по сторонам, но в комнате не было ничего похожего на оружие. Да и крови вокруг тела оказалось неправдоподобно мало.

– Сэра Олдриджа переносили?

Кажется, вопрос оказался для Доусона неожиданным.

– Так… Э, мы с дворецким и перенесли, чтобы сподручнее было грузить, когда наши подъедут.

Я поморщился. Большинство лондонских блюстителей порядка набирают черт знает из кого. Вот и результат – мало кто из этих ребят имеет хоть малейшее представление о следственной работе и о том, что тело до приезда инспектора должно оставаться там, где его имели неудовольствие найти. Даже если оно кому-то очень мешает. «Особенно если оно кому-то очень мешает», – пришло мне на ум старое дельце об одном бедолаге. Он так торопился избавиться от трупа убиенной им супруги, что решил вынести его из дома прямо посреди дня в персидском ковре. Бедняга не учел одного –

тяжести и размеров своей ноши. Благоверная весила на две сотни фунтов больше мужа, да и размеры ковра он явно переоценил…

– И откуда же вы его перенесли? – я постарался сдержать раздражение, но констебль начал что-то подозревать.

– Так из хозяйского кабинета и перенесли! И пистолет там же был! Мы как зашли – сразу все понятно! На стуле сидит, а рядом с ним пистолет на полу! – принялся оправдываться он. – Тут и думать нечего – сам застрелился. Чего тут расследовать?

Что ж, интересно какой пистолет мог сделать подобное с лицом Олдриджа… Стоит осмотреть кабинет покойного. Но, пока что, вернусь к нему самому.

Я приподнял ткань, чтобы наконец разглядеть гобелен целиком. Дорогой, как и все в этом доме, и очень чистый. Пожалуй, даже слишком чистый – ни следа от пороха или сажи, которые точно должны были остаться от выстрела с такого близкого расстояния. Я перевел взгляд на руки старика – покрытые пигментными пятнами, высушенные и худые, под стать всему остальному телу. Даже удивительно для человека его положения – обычно богачи теряют умеренность во всем… Ох, погодите, вот и потеря умеренности – три кольца с огромными камнями на правой руке и пять на левой. Я приподнял кисть старика в надежде рассмотреть перстни поближе. Два из них сразу съехали набок. Резко исхудал и не хотел доверять украшения ювелиру? Или и вовсе не носил

колец, но решил принарядиться перед смертью? Тогда констебль прав, она и правда была запланированной. Впрочем, на руках следов пороха тоже не наблюдалось, хоть при таком скудном освещении и сложно было сказать это наверняка. Осмотрю еще раз, когда тело доставят в морг.

Я набросил гобелен обратно и поднялся.

– Знаешь его? – кивнул я на Олдриджа.

Брови констебля, который все это время переминался с ноги на ногу и с болезненным упорством таращился в окно, поползли наверх:

– Как не знать? В нашем районе его все знали!

Уважаемый человек, господин Реймонд Олдридж, кучу детишек вылечил во время последней эпидемии холеры! Его за это даже к рыцарскому титулу приставили! Хоть он и из людей попроще вышел – сам до всего дослужился!

– Врач? – удивился я.

– Еще бы! Все как положено – образованный человек… Все верха Лондона к нему в очередь выстраивались! Правда, в последние несколько лет он вроде как перестал практиковать. – Доусон задумался, а потом пожал плечами и продолжил: – Притомился, наверное, возраст уж не тот, да и хвори его замучили. Шутка ли, местные говорят, что ему больше ста лет было… Я, конечно, в это не верю. Не живут люди столько. Даже те, что в лечении смыслят.

Доусон глянул на меня, видимо ожидая услышать стороннее мнение по поводу такого удивительного долголетия. Ме-

ня же больше интересовало другое. Что, если байки Джимми и правда выросли вовсе не на пустом месте?

– Интересно… А что еще люди говорили?

– Да много чего! – хмыкнул констебль осмелев. – У нас такой народ – только дай обсудить знатных горожан! У каждого норовят все исподнее перерыть!

Он фыркнул, выражая праведное негодование по поводу такого неуважения. Интересно, откуда взялась столь трогательная забота о чужой репутации? Ладно, дьявол с ним, у меня есть дела поважнее.

– Констебль, вы сказали, что тело нашли в кабинете. Как туда пройти?

Доусон махнул рукой в сторону парадного входа:

– Вам обратно надо, в фойе и по лестнице на второй этаж. Третья дверь справа.

Обратно так обратно, заодно поговорю с дворецким. Возможно, он сможет рассказать о своем хозяине и причине его поступка, а точнее – вероятного поступка, больше. Я выдвинулся назад по галерее, но на середине пути наткнулся на Джимми, который трудолюбиво выдирал клык из пасти чучела кабана. Мелкий паршивец… Я подошел так близко, как мог, чтобы не задеть мальчишку, и громко кашлянул у него за спиной. Беспризорник подпрыгнул на месте, резко отдернул руку от чучела и уставился на меня круглыми от ужаса глазами:

– Я… это… Я просто смотрю!

Я хмыкнул и указал на кулак, который мальчишка пытался спрятать у себя за спиной.

– Да я, это, перед ребятами похвастаться хотел… – Джимми шмыгнул носом и кивнул на ряды охотничьих трофеев по стенам. – Этих страхолюдин из окон ого-го как видно, вот мы и посматривали иногда… Если у них что стянуть, ну, к примеру зуб, этого ж хозяин не заметит! Зато наши все сразу поверят, что ты в доме колдовском побывал!

Я пробежался глазами по внушительной коллекции развешанных на стене голов. Они и правда были отлично видны из огромных окон, что выходили прямиком на задний двор.

– Я только один взял, мне больше не надо! – Джимми разжал кулак и продемонстрировал добытый тяжким трудом зуб убиенного кабана.

Конечно же, мальчишка выбрал самый крупный, так что недостачу в количестве зубов теперь не заметил бы только слепой…

– И зачем он тебе?

– Так я и говорю, мы с ребятами поклялись, что если кто из наших сюда проберется, то зуб для своего рыцарского герба стащит. Какие же рыцари без гербов! У меня вот вепрь! А у Уолли волк был…

Джимми резко погрустнел и замолк. Пожалуй, стоит разузнать по поводу его друга у местных констеблей – может, мальчишка беспокоится не зря.

– Ладно, стой здесь и больше ничего не трогай, – скоман-

довал я и отправился дальше на поиски кабинета, найти который мне было не суждено: на улице вдруг послышалось лошадиное ржание, голоса и громкий топот.

В дом ввалились трое бравых ребят в форме констеблей, возглавляемые незнакомым лысоватым типом. Тип пробежался по всем присутствующим и остановил взгляд на мне.

– Шеф-инспектор Эндрю Аткинсон, кенсингтонское отделение, – представился он с напускным безразличием. – Благодарю вас за помощь, но это дело переходит под ответственность местной полиции. Вы свободны.

Последнее, судя по интонации, правильнее было бы трактовать как «пошел вон!».

– Детектив-инспектор Томас Ливингстон, Центральное управление, – я решил сделать вид, что не заметил прямого указания убираться. – Думаю, произошла ошибка.

Аткинсон поморщился, будто учуял у себя под носом что-то стухшее.

– Приказ суперинтенданта Смиттерсона, – отрезал он. – Если хотите, можете обсудить это с ним сами. А теперь попрошу вас удалиться и не мешать нам работать.

Теперь Аткинсон даже не пытался скрыть раздражение. Я бросил взгляд на Доусона. Тот выглядел гораздо лучше: его глаза перестали бегать и почти с обожанием уставились на инспектора. Что ж, теперь понятно, кого он ждал и почему так растерялся, увидев меня.

Но… «Приказ суперинтенданта»? Старик Гудман что, на-

путал с указаниями? Или сам Смиттерсон передумал и решил лично проконтролировать дело, отправив для надежности более лояльных к нему ребят? Нет, здесь явно что-то нечисто.

Кенсингтонцы тем временем уже буравили меня взглядами, явно намекая, что мне не стоит здесь задерживаться. Лезть на рожон и дальше было бессмысленно. Пожав плечами, я надел шляпу и обернулся в поисках Джимми. Пацан стоял почти там же, где я его оставил, но выглядел бледнее и как-то переменился в лице. Испугался людей Смитти? Я кивнул на дверь, и малец, разок споткнувшись, на всех парах припустил за мной к выходу, будто только этого и ждал.

Кажется, мы не провели в доме и часа, но на улице уже рассвело. Особняк Олдриджа при утреннем освещении полностью растерял свою таинственность и теперь был похож не на пристанище злого колдуна, а на слишком большой дом стареющего аристократа.

Каковым Олдридж, собственно, и являлся.

Я решил поделиться этим наблюдением с Джимми, но тот оказался слишком поглощен своими мыслями. Мне вовсе не хотелось нарушать эту благословенную тишину.

Через пару минут мальчишка наконец заговорил:

– А вот помните, мистер инспектор, вы сказали, что Уолли, должно быть, забрали в работный дом?

– Помню, – кивнул я. – Ты это к чему?

Джимми нахмурился и зачастил:

– Он ведь при нас тогда в особняк полез, мы на стреме стояли – всегда так делаем. Всю ночь и до следующего вечера его ждали – так и не вышел никто, – мальчишка шмыгнул носом и продолжил, глядя себе под ноги: – Тоже думали, что, небось, хозяева поймали его, да в полицию сдали, вот только не приезжала ни полиция, ни еще кто в тот день. И на следующий тоже…

– Так, может, и не полез он в дом. Струсил и дал деру, пока вы не видели? – я пожал плечами.

Джимми мотнул головой. Таким серьезным я его еще не видел.

– Мы спрашивали по своим – никто Уолли с тех пор в городе не встречал, он как сквозь землю провалился… И он точно в этом доме был, это уж как пить дать!

– С чего ты решил?

Джимми разжал кулак и продемонстрировал мне трофейный клык кабана.

– Вот поэтому. У чучела волка тоже одного зуба нет. Точно говорю – проверил ровно перед тем, как нас выперли.

– Ну и? Мало ли что там у этого волка отвалилось… Да и почему именно волк?

– Говорил же – волк гербом Уолли был, – пробурчал мальчишка. – А уж выпало – не выпало… Клыка слева на верхней челюсти у него нет – ровно как Уолли обещал, когда в дом лез. Он и стащил – кому же еще?

Я присвистнул. Кажется, Джимми не так уж безнадежен.

Если, конечно, он не сочинил всю эту историю.

Богатый мертвый старик, беспризорник, исчезнувший в его доме, и ручная полиция аристократии, которая явно пытается что-то замять… Этот день еще не успел начаться, но с каждой минутой становился все лучше.

21 октября 1889 года,
Лондон, район доков,
около семи часов утра

Констебль Фергюсон пошевелил носком ботинка обугленные деревяшки. Истлевшие, они тут же рассыпались в труху, и под ними что-то блеснуло. Фергюсон наклонился поближе, поковырял привлекшую его внимание пластинку пальцем и сплюнул. Очередная стекляшка!

Констебль встал, вытер руку о штанину и оглядел пепелище. Особняк Аддерли, еще несколько часов назад бывший самым богатым домом во всей прибрежной части города, представлял собой жалкое зрелище. Вспыхнул, как пучок соломы в жаркий день, и полностью сгорел за считаные часы. Да еще и прихватил пару соседних домов – попроще и победнее.

Впрочем, их констебль тоже проверил, но поживиться там оказалось нечем…

– Ну что, закончил с трупами? – отвлек Фергюсона голос старшего констебля Морри.

Фергюсон подскочил от неожиданности и зачастил:

– Так точно, сэр! Все закончили, сэр! Ждем труповозку, сэр!

Морри оглядел своего подчиненного с ног до головы и ухмыльнулся:

– Чего же ты тогда здесь ошиваешься? Думаешь, не всех вытащили? Или ищешь не тела, а что другое?

У Фергюсона дернулся глаз. Ему показалось, что закопченные серебряные ложки, подобранные на пепелище и надежно припрятанные у него за пазухой, торчат так, что видны с другого берега Темзы. Только этого ему не хватало! Теперь придется делиться… Хотя с этого гада, холера его побери, станется и все забрать!

– Н-никак нет! Н-ничего не ищу! – от волнения констебль начал заикаться.

Морри махнул рукой – ему явно надоело издеваться над идиотом, о грешках которого знал весь участок, – и перешел к более насущным делам:

– Сколько достали? В одну труповозку влезут?

– Никак нет, сэр! Сначала вытащили троих, но час назад нашли еще одного – вот здесь, в левом крыле, – указал Фергюсон. – Так что пришлось послать за второй!

Морри кивнул и вальяжно проследовал в сторону тел, лежащих на обочине вдоль дороги. Он постоял над ними в полном молчании, задумчиво перекатываясь с пятки на носок, а затем свистнул так, что у Фергюсона заложило уши.

– В-вы звали, сэр? – Фергюсон на подкашивающихся ногах подскочил к начальнику.

– Фе-е-ергююсо-о-он, – растягивая гласные, начал Морри. – Давай-ка повторим азы… Сколько трупов умещается в одну труповозку?

– Т-три… – моргнул констебль.

– А сколько труповозок ты вызвал?

– Две…

– И что ты собираешься везти во второй, идиот ты проклятый?! – наконец сорвался Морри, а затем развернулся на каблуках и процедил через плечо: – Даже не думай списать вызов второй труповозки в накладные расходы – заплатишь из своего кармана!

Несчастный констебль судорожно кивнул и уставился на прикрытые мешковиной тела.

Раз. Два. Три… Три. Фергюсону даже пришлось протереть глаза, чтобы поверить, что четвертого так и не прибавилось.

– Но… – пробормотал он. – Тут точно был четвертый! – и уставился на пустое место, куда лично отволок последнего покойника.

Или не отволок?.. Ни мешковины, ни следов тела на земле не было. На всякий случай Фергюсон огляделся по сторонам, будто потерянный труп мог случайно закатиться под куст или в сточную канаву. Под ногой констебля тихо хрустнуло обгорелое красное перо, но он не придал этому особого

значения. Не придал он значения и длинным темным полосам, начинающимся в паре шагов от него и ведущим куда-то в соседнюю подворотню.

Человек с фантазией мог бы подумать, что кто-то шел еле волоча перемазанные сажей ноги, но… Фергюсон фантазией никогда не отличался. «Чего только не почудится», – подумал он и проверил, на месте ли серебряные ложки. Пожалуй, пары из них должно было хватить, чтобы расплатиться с владельцем лишней труповозки. Фергюсон горестно вздохнул, сплюнул на землю и побрел обратно на пепелище в надежде поживиться чем-нибудь еще.

Глава 2. Совсем никого

Центр перекрестка освещен полной луной. Она словно призрачный фонарь, выхватывает из небытия несколько особняков и дорогу между ними. Все, что находится за пределами света, погружено в клубящийся серый туман. Туман движется – то дергано и беспорядочно, словно извиваясь в конвульсиях, то изящно и ловко сплетается узлами. А затем слабое дуновение ветра – и все рвется… Этот танец завораживает. Я протягиваю руку, и туман жадно подается ей навстречу. Кажется, в нем что-то есть. Кто-то есть. Эта мысль вселяет тревогу, но у меня нет времени как следует ее осознать: я слышу шум за спиной и оборачиваюсь на этот размеренный, повторяющийся звук.

По перекрестку, освещенному столбом лунного света, тянется вереница оборванцев. Дети разного роста и возраста, они стоят строго, затылок в затылок, соблюдая между собой одинаковое расстояние. Что-то во всем этом выглядит ужасно неправильно. И вскоре я понимаю: они совсем не двигаются. Ни поворота головы, ни шевеления губ, ни случайного взмаха руки. Дети стоят неподвижно, выверенно, неестественно. Как ростовые куклы, которых выстроили здесь для какого-то странного представления, которое я совсем не хочу увидеть.

Однако даже это пугает меньше клубящегося тумана…

Я отхожу от него подальше, приближаюсь к оборванцам и встаю в самом конце колонны. Я чувствую, что мне нужно встроиться в этот замысел, соблюсти эту симметрию. Занять свое место. Я просто делаю то же, что и все, чтобы стать похожим на них. Стать таким же, как они.

Внезапно колонна делает шаг вперед – и снова застывает. Шаг. Пауза. Шаг. Пауза. Движения детей синхронны и точны, как часы на Биг-Бене.

Какое-то время я покорно иду следом, но затем любопытство побеждает, и я начинаю высовываться из колонны. Я вижу, что один из оборванцев передо мной очень похож на Джимми. Я выхожу из строя, обгоняю несколько человек и касаюсь плеча мальчишки. Он не оборачивается. Я трясу сильнее, но тот по-прежнему не обращает на меня никакого внимания.

Это начинает действовать на нервы.

Отбросив хорошие манеры, я хватаю мальчишку за плечо и с силой разворачиваю. Это и в самом деле Джимми, но в его взгляде нет ни намека на узнавание. Только пустота. Он продолжает таращиться на меня так же бездумно, как до этого таращился в макушку стоящего перед ним человека. Я наклоняюсь, чтобы посмотреть Джимми в глаза, и замечаю, что свет в них теперь отражается чуть иначе. Резче и яснее. Как в стекляшках-бусинах искусственных глаз чучел в доме старика.

«Стеклянные… Теперь лучше сохранятся», – посещает

меня странная мысль.

Я отпускаю Джимми, и тот возвращается на место. Как раз вовремя – колонна делает еще шаг вперед. Я иду вдоль нее и вглядываюсь в лица этих молчаливых маленьких солдат. Они все такие же, как Джимми: движущиеся вперед слепые куклы.

Наконец, я достигаю начала строя и вижу его. Бледное, изломанное глубокими морщинами лицо, ястребиный нос, растрепанные седые бакенбарды. Старик Олдридж, такой же, как на портретах в особняке, лишь с одним отличием: его правая щека потемнела и оплыла вниз, как воск от прогоревшей свечи.

Олдридж протягивает руку с тонкими, паучьими пальцами и вручает что-то первому беспризорнику. Это Джимми, и меня почему-то совсем не удивляет, что он проделал путь к началу колонны так быстро. Я подхожу чуть ближе и наконец могу разглядеть, что именно предлагает ему старик. Это человеческий зуб. Массивный, коренной, с изогнутыми длинными корнями. Джимми безропотно берет его, сжимает в кулаке и скрывается в узком проулке слева.

Я растерянно смотрю вслед мальчишке, но вдруг понимаю, что должен его догнать. Я срываюсь с места и бегу, но в переулке уже никого нет – меня встречает лишь плотный липкий туман. Я отшатываюсь прочь, но уже поздно: туман поглощает все пространство вокруг меня. Пепельные лоскуты извиваются и танцуют. Никакого перекрестка за мо-

ей спиной больше нет. Я вытягиваю руку, надеясь нащупать хоть что-то знакомое, но не вижу даже своих пальцев. Везде лишь непроницаемая, колышущаяся завеса.

Самое страшное в темноте или тумане то, что в них может скрываться что угодно. Кто угодно. Но сейчас, стоя посреди него, я осознаю, как ошибся. Все эти тени, едва заметные движения, невнятные звуки – все это лишь игра моего воображения. В тумане нет никого, кроме меня. И это ужасает больше, чем самый кошмарный плод человеческой фантазии.

21 октября 1889 года,
центральный Лондон,
около полудня

Я проснулся от холода. Камин давно потух, и последние крохи тепла спешно покидали дом через щели в окнах. Кажется, мне что-то снилось, но вспомнить сон я не смог: вместо него осталась лишь растерянность и чувство смутной тревоги.

Солнце стояло еще в зените, а значит, подремать удалось всего пару часов. Попытка встать отдалась в голове тупой болью, а в правом боку тут же закололо. Я поморщился. Как говорила моя матушка, настоящий джентльмен должен превозмогать трудности. Впрочем, настоящим джентльменом меня вряд ли можно было считать: обычно к ним причисляли тех,

кто мог позволить себе жить на проценты с капитала. Наличие добродетелей, образования и достойное воспитание вовсе не считались обязательным условием. Главным было одно: не замарать себя работой. И, раз уж работать все равно приходилось, я предпочел бы превозмогать не так рьяно, как то полагается настоящим джентльменам.

К счастью, следующая попытка подняться с кровати наконец увенчалась успехом. Я надел костюм и накинул сверху стеганый домашний халат. Температура в доме ненамного превышала уличную, но несколько слоев одежды легко решали эту проблему. Чтобы быстрее согреться, я вскипятил чаю и наспех перекусил сэндвичами. Наверное, можно было позволить себе нанять кухарку, но меня вполне устраивало мое однообразное питание. Уборкой же доставшегося мне по наследству дома занималась горничная – миссис Браун. Она заглядывала сюда два-три раза в неделю, и наше общение обычно ограничивалось обменом любезностями и разговорами о погоде: я не мог избавиться от ощущения, что после выхода за порог она тут же бежит с доносом к моей матушке. Скорее всего, это были лишь измышления – насколько я знал, эти женщины не были даже знакомы – но не мог избавиться от мысли, что с матери сталось бы назначить кого-то приглядывать за тем, как я веду свой быт.

К слову, чтобы составить впечатление получше, перед приходом горничной было бы нелишним слегка прибраться… Я с тоской бросил взгляд на письменный стол и убедил-

ся, что бумаги, полученные накануне от информатора, даже не подумали упорядочиться сами собой, чтобы явить мне все тайны настоящего, прошлого, будущего и того, сколько времени тратит сержант Макдонахью на поддержание формы своих усов.

Часы на стене начали бить полдень. Каждый их удар болезненно отдавался у меня в висках. Я вновь поморщился. Похоже, придется отложить все изыскания до вечера и отправиться на службу: моя смена вот-вот начнется. Что ж, это даже неплохо: я все равно хотел навести пару справок в участке.

Когда я вышел, на улице еще потягивало гарью после ночного пожара, но воздух был на удивление прозрачен. Даже облака изредка уступали место тусклому осеннему солнцу. И чистый воздух, и солнце считались в Лондоне большой редкостью. Зато три десятка видов дождей казались самым привычным делом. Для каждого из них горожане потрудились придумать свое название: от легкой измороси, не причиняющей особых хлопот, до проливного дождя с градом, когда выйти из дома решались лишь самые безнадежные глупцы, а бывалые уличные собаки, скуля, забивались под парадные лестницы и ютились в незапертых подвалах. Раньше, когда учитель советовал мне или кому-то из таких же молодых и глупых учеников придержать пару пенни «на дождливый день», вместо того чтобы тут же спустить их на сладости, я удивлялся – почти каждый день в Лондоне был такой.

Но еще чаще в городе царил туман. Поговаривали, что именно благодаря ему Джек Потрошитель, кем бы он ни был, умудрялся так ловко скрывать свои зверства. Последнее преступление из тех, что были известны, он совершил в прошлом году – и так и остался непойманным. Что и говорить, чудовищное пятно на репутации столичной полиции… Поток писем от самопровозглашенных чудо-сыщиков с безумными теориями или от очередного «Джека» на адрес Скотланд-Ярда и отделений полиции по всему городу не иссякал до сих пор. Поначалу каждая весточка заставляла газетчиков трепетать в надежде на сенсацию. Но куда там – проку от этих писем было не больше, чем от зонта в погожий день.

Вероятно, это громкое дело волновало бы меня сильнее, если бы я принимал хоть какое-то участие в его расследовании. Но повышение до инспектора я получил только в этом году, а сержантов, желающих поймать такую выдающуюся личность, и так оказалось сверх меры. Впрочем, это ничуть не мешало мне время от времени строить головокружительные теории и предаваться смелым мечтам о раскрытии какого-нибудь грандиозного дела с последующим почиванием на лаврах. Упоминание в учебниках истории, всеобщее уважение и приличная пенсия в придачу с пожалованным Ее Величеством титулом… К которому, кстати, не помешало бы и имение…

Погрузившись в эти прекрасные грезы, я чуть было не пропустил грязно-серую арку – единственный проход к пло-

щади, окруженной тесно стоящими покосившимися домами, которые не рассыпались только с помощью какой-то неведомой силы. Именно здесь последние пятьдесят лет располагалось Центральное управление столичной полиции. Поначалу хватало и одного здания, но затем штат служителей закона сильно разросся, и Управлению пришлось захватывать новые территории. Так что теперь почти все строения во дворе служили пристанищем какому-то из подразделений: бюро находок, лицензирование общественного транспорта, надзор за освободившимися заключенными… Конечно же, имелся и отдел уголовных расследований.

Мой стол в этом отделе был завален самой что ни на есть настоящей сыскной работой – пыльными кипами документов. И высота некоторых из них значительно превосходила ту кучу бумаг, что ждала меня дома.

Да, уровень бюрократии в Управлении поражал воображение даже самых ушлых банковских клерков, а моя вера в эффективность и оправданность такого подхода таяла так же быстро, как шиллинги в карманах клиентов Банка Англии. Интересно, сколько жизней мне ежедневно удавалось спасти путем составления рапортов и описей пропавшего имущества? Приходилось мириться с очевидным: полицейская работа оказалась далека от моих мечтаний. Ни погонь за злодеями по крышам зданий, ни спасения красоток, ни распутывания заговоров тайных политических организаций… В общем, ничего такого, о чем обычно пишут в приключенче-

ских романах. Моя мать, всю жизнь прослужившая гувернанткой, всегда говорила, что лучше бы я читал учебники или, на худой конец, газеты, чем подобную беллетристику.

И сейчас, живя третий десяток, я все чаще думал о том, что, пожалуй, она была в чем-то права…

Сегодня дежурным в отделе был тот самый безупречно усатый сержант Макдонахью. Он читал свежую газету, сидя за стойкой регистрации и время от времени ворча что-то себе под нос. Всем своим видом Макдонахью напоминал испанского конкистадора с короткой черной бородкой и непонятно откуда прицепившейся шотландской фамилией. Его лихо закрученные усы были симметричны в любое время дня и ночи и любой погоде, всегда находясь в идеальной геометрической форме вопреки здравому смыслу и законам физики. Поняв, что мои жалкие попытки отрастить что-то столь же удивительное у себя на лице вряд ли увенчаются успехом, я смирился с судьбой и перешел на чистое бритье, оставляя себе лишь скромные бакенбарды. Как говорится, переноси с достоинством то, чего не можешь изменить.

Поравнявшись со стойкой регистрации, я протянул Макдонахью руку:

– Добрый день, сержант!

Тот скептически хмыкнул, но ответил на рукопожатие.

– Не особо-то и добрый, – кивнул он на утренний отчет, который я ошибочно принял за газету. – Дюжина домов сгорела полностью, еще две дюжины частично – на радость ма-

родерам… Самых резвых, конечно, уже повязали, но половина дивизиона до сих пор держит оцепление.

– Много погибших? – решил поддержать светскую беседу я.

Конечно, при желании можно было бы с легкостью почерпнуть эту информацию из той же утренней брошюры – отчета по происшествиям за прошлую смену, но спешить на рабочее место к очередной стопке свежих заявлений на бакалейщиков, подмешивающих опилки в «самый настоящий китайский чай», не было никакого желания.

Впрочем, брошюру придется прочитать в любом случае: «С содержимым этого регулярного издания, как и со списками разыскиваемых лиц и украденных ценностей, должен ознакомиться каждый полицейский, заступающий на смену! И постараться внести свою лепту в следующий отчет!» – говаривал наш прежний комиссар, наставляя молодых констеблей перед выходом на дежурство. Всякий раз, когда я слышал эту заученную фразу, мне в голову приходила дурацкая мысль о том, что «вносить лепту» можно очень разными способами. Например, пополнив собой список разыскиваемых преступников… Или всплыть в качестве очередного утопленника в разделе происшествий… Впрочем, так себе каламбур.

Макдонахью тем временем продолжал:

– Шестеро взрослых, двое детей – это из простых, – перечислил он, возвращая меня к реальности. – Из непростых –

известный нотариус, сэр Алфи Аддерли и еще двое из его прислуги. Особняк стоял на границе с портовым районом и загорелся первым. Возможно, поджог, но пока сказать сложно.

Макдонахью задумчиво покрутил левый ус. Когда он отпустил его, тот сразу принял прежнюю идеальную форму. Что ж, раз уж сержант в настроении поговорить, то стоило, пожалуй, перейти к вещам, которые меня действительно волновали: кто-кто, а Макдонахью всегда был в курсе всего происходящего в Управлении. По части информации по делам – как свежим, так и давно забытым – ему и вовсе цены не было. Старожилы уверяли, что сержант помнит наизусть все происшествия в Лондоне с начала правления королевы Виктории, но проверить эту гипотезу мне так и не удалось.

Не получилось заняться этим и сегодня: меня интересовало дело гораздо свежее.

– А что по поводу смерти Олдриджа? – спросил я, надеясь, что Макдонахью не слишком удивит такая резкая смена темы.

Сержант на секунду наморщил лоб.

– А, Кенсингтонское отделение. Да, они прислали отчет пару часов назад… Ничего интересного – самоубийство. Вам-то это зачем, Томас?

Я откашлялся и начал импровизировать:

– Вообразите, сначала начальство выдергивает меня из постели посреди ночи и отправляет разбираться с делом это-

го Олдриджа! Хотя оно даже не в нашей юрисдикции… А потом, когда почти вся работа уже была сделана, подоспели местные из Кенсингтона и отправили меня восвояси! Вышла, видите ли, накладка при распределении!

Я ничем не рисковал, изображая жертву бюрократии. Извечные споры о разделении полномочий между Центральным управлением и отделениями на местах не могли оставить равнодушным ни единого человека, проработавшего в полиции хотя бы год.

– Да уж, – покачал головой сержант, заглатывая приманку. Но тут же нахмурился. – Странно, конечно… Обычно все происходит наоборот. Тот же пожар в портовом ушел под нашу ответственность сразу, как только поступили первые сведения. Ребята из местного не особенно расстроились: дело не самое приятное, да и спрос большой.

Я со вздохом кивнул, на этот раз вполне искренне: расследованию дел, связанных с гибелью кого-то из обеспеченных граждан, всегда уделялось большое внимание начальства. Немудрено: всем, что происходило и не происходило в стране, заправляла аристократия. В основном, конечно, потомственная. Нувориши не пользовались у пэров ни почетом, ни уважением, но нам, простым смертным, приходилось считаться и с теми и с другими. И, как бы полицейское руководство ни старалось показательно дистанцироваться от любых связей с правящими верхами, всем было очевидно, что при сложившихся порядках ни о какой дистанции не мо-

жет быть и речи.

Макдонахью кашлянул, напоминая мне о том, что я все еще торчу перед стойкой регистрации. Что ж, главное мне выяснить удалось: отчет по делу Олдриджа пришел, а значит, его копию скоро можно будет найти в архиве Управления.

Я поблагодарил сержанта и уже развернулся в сторону своего кабинета, но не успел сделать и шагу, как в меня врезался грузный господин с красным лицом. Он был явно чем-то раздосадован и практически кипел от злости.

– Мои извинения! – Джентльмен снял шляпу, пригладил взлохмаченные волосы и, не дожидаясь ответа, обратился к сержанту: – Уважаемый, ну сколько можно?! Я жду уже два часа! За что вам всем платят жалованье?!

Макдонахью бросил выразительный взгляд на пустую поверхность стола.

– Как видите, документы еще не доставлены, но я тороплю секретариат, – пояснил он с ледяной вежливостью. – Прошу вас подождать в приемной.

– Черт знает что! Я и так торчу здесь все утро, дьявол вас всех раздери! – выругался посетитель. Его лицо приобрело совсем уж зловещий багровый оттенок, но он все же отошел от стойки.

– Так и до удара недалеко, – вполголоса прокомментировал я, пытаясь выбросить из головы зрелище вздувшихся на лбу нервного джентльмена вен.

– Было бы неплохо, – фыркнул сержант. – Неприятней-

ший тип… Спозаранку перевернул весь участок с ног на голову: мол, ему срочно нужно заключение о смерти Аддерли. Того самого нотариуса, чей особняк сгорел ночью, – пояснил он, заметив непонимание в моих глазах. – А с учетом того, что в сгоревшем доме нашли целых три тела – день уйдет только на то, чтобы разобрать, кто есть кто… И это не считая того, что у нас еще два десятка покойников со всех концов Лондона за сегодняшнюю ночь!

От флегматичной сдержанности сержанта не осталось и следа. Похоже, бесцеремонный посетитель умудрился разбудить дремавшие в Макдонахью испанские корни. Если, конечно, они существовали не только в моем воображении.

– А он объяснил, к чему такая срочность?

– Да, – сержант поморщился. – Этот джентльмен – клерк из нотариальной конторы «Вильямс и Кларкс». Он объявил, что Аддерли был их клиентом и теперь они должны выполнить его волю по завещанию в течение двенадцати часов. К чему покойнику такая спешка – дьявол разберет…

Макдонахью снова ожесточенно покрутил ус, после чего продолжил:

– Так вот, завещание, видите ли, можно вскрыть только после официального заверения кончины! Вот они и забегали: по их контракту отсчет уже пошел, а заключения о смерти еще нет. Кто знает, что мог запросить в своей последней воле этот тип и сколько он им заплатил, раз они готовы даже подкупить судмедэксперта, лишь бы уложиться в сроки…

– Подкупить? – я подумал, что ослышался.

Сержант стушевался, сообразив, что ляпнул лишнее. Все знали о взятках в Управлении, но немногие были готовы говорить об этом вслух. А те, кто не боялся, обычно не задерживались здесь надолго.

Тем не менее через несколько секунд Макдонахью встряхнулся и продолжил, хотя уже и не так решительно:

– Не знаю, самого судмедэксперта или кого-то из начальства. – Усы сержанта подпрыгивали в такт его речи. – Но сразу после утреннего инцидента, буквально через пять минут, поступило распоряжение в первую очередь заняться пожаром в особняке Аддерли, наплевав на все остальные дела!

Он в раздражении мотнул головой и уставился в одну точку. Чувствуя неловкость от необходимости распрощаться на такой ноте, я постарался соблюсти приличия единственным пришедшим на ум способом:

– Эм… Я могу чем-то помочь?

Неожиданно как для меня, так, кажется, и для себя самого Макдонахью вдруг встрепенулся и пробормотал:

– Вообще-то, Томас… Вообще-то, если бы вы могли спуститься в секретариат и поторопить их с этими проклятыми документами – я был бы у вас в долгу! Иначе этот тип меня просто с ума сведет!

Просьба сержанта показалась мне вполне оправданной: дежурным сотрудникам было запрещено отлучаться с поста. Решив, что вреда от моей помощи не будет, я кивнул и от-

правился в ненавистное мне левое крыло – обитель бюрократов и бумагомарателей еще больших, чем теперь я сам…

Путь был неблизкий и пролегал через центральное здание. И, хотя в Управлении было легко заблудиться, места для некоторых вещей здесь все еще не хватало. Например, для архивов. Старые дела лежали разваливающимися стопками вдоль стен коридоров, в углах лестничных площадок, под самими лестницами, а иногда и в еще более непредсказуемых местах. Одна из таких кип, опрометчиво оставленная неподалеку от туалетной комнаты, растаяла за пару дней. И я до сих пор надеюсь, что ее просто догадались переложить в более подходящее место…

Миновав хитросплетения коридоров, я спустился на пару лестничных пролетов и наконец оказался у входа в секретариат. Обычно здесь трудились сразу несколько изможденных и унылых мужчин неопределенного возраста, но сегодня из ряда огромных дубовых столов был занят всего один. На звук хлопнувшей двери владелец стола поднял раздраженный взгляд, хмыкнул – и снова уткнулся в бумаги.

На всякий случай я еще раз огляделся и удостоверился, что больше здесь обратиться не к кому.

– Добрый день, – как можно отчетливее поздоровался я. – Мне нужно забрать свидетельство о смерти сэра… м-м-м…

Все, кроме титула, уже успело вылететь из головы: плохая память на имена была моим проклятьем.

– В общем, то, что просили сделать срочно, – неумело вы-

крутился я.

Сидящий за столом секретарь снова неприязненно взглянул на меня и проворчал:

– И зачем так орать? Я не глухой. И ничего хлопать дверью – того и гляди стекла вылетят! И между прочим у меня этих срочных дел – целый шкаф! Кто именно тебе нужен? Я что, гадать, по-вашему, должен?! Будто мне больше нечем заняться!

Пока я лихорадочно напрягал память, служащий, не дожидаясь моего ответа, махнул рукой и поплелся в сторону заваленного бумагами стеллажа, продолжая что-то бубнить себе под нос. Кажется, это были проклятья, и несложно было догадаться, кому именно они предназначались. Мне пришло в голову, что невозможность отлучиться с поста была вовсе не единственной причиной, по которой Макдонахью решил поручить дело по добыче бумажек мне…

– Срочно ему… Вам всем срочно, а что людей не хватает – на это плевать! Второй год на такое жалованье не могут никого найти, один я за всех отдуваюсь – и хоть бы сверхурочные платили, да где там!

Продолжая жаловаться на жизнь, начальство и меня лично как на главный источник всех своих проблем, секретарь вытащил из бумажных завалов какие-то мятые листы и бросил на стол.

– Забирай! – великодушно разрешил он. – Ах да, вот это тоже захвати, а то так и будете меня допекать весь день со

своими бумажками!

Он подкинул в стопку еще пару листов. Я решил не уточнять, что это и зачем, – проще всего без вопросов передать бумаги Макдонахью. С остальным пусть разбирается сам: хватит с меня приветливых и доброжелательных клерков…

– И дверь за собой придержи! А то шляются тут… – прошипел секретарь мне вдогонку.

Я собрал документы со стола, как можно вежливее попрощался и вышел из комнаты, ощущая спиной его буравящий взгляд. А затем чуть выждал – и со всей силы захлопнул за собой массивную дубовую дверь.

Клянусь, скрежет зубов был слышен даже через нее.

– Все здесь! – Стопка листков, добытых из недр бюрократического ада, шлепнулась на стол перед сержантом.

Макдонахью мельком осмотрел ее и подозвал недавнего скандалиста, который, мрачно сопя, все еще ожидал неподалеку.

– Эй, уважаемый! Проверьте, все ли это, что вам нужно, и распишитесь вот здесь! – Он ткнул пальцем в амбарную книгу устрашающих размеров.

– Неужели! – Служащий из юридической фирмы фыркнул и начал просматривать документы.

Сержант постукивал по столу карандашом, откровенно надеясь вот-вот избавиться от настырного просителя. Но тот вдруг встрепенулся и протянул:

– Мину-у-точку, здесь, должно быть, какая-то ошибка! В свидетельстве о смерти фигурирует некий сэр Реймонд Олдридж, а я пришел получать бумаги на сэра Альфреда Аддерли!

Стук карандаша затих. Макдонахью напрягся.

– Э-э-э, это, должно быть, примешались бумаги по другим делам! Их просил передать секретарь, – поспешил я вмешаться и добавил, обращаясь в Макдонахью: – Извините, сержант, совсем забыл вас предупредить.

Быстро же они состряпали что-то по делу Олдриджа… Скорее всего, где-то здесь лежит и отчет с места происшествия.

– Давайте я посмотрю и разберусь, что откуда! – Я буквально выхватил листки у озадаченного юриста и принялся их сортировать.

Отчет о пожаре в доме Аддерли, свидетельство о его смерти и справка о вскрытии тела шли за описью имущества некоего мистера Бэгсби с Флит-стрит, свежей лицензией кебмена и списком обмундирования, которое требовалось закупить для полицейских в этом году. А вот и свидетельство о смерти Олдриджа, на которое наткнулся клерк. И следом за ним – рапорт с места происшествия.

«Следов посторонних в доме не обнаружено… Дворецкий ничего не слышал… Оружие принадлежит хозяину дома… Все свидетельствует о самоубийстве, в связи с этим вскрытие и дальнейшее расследование считаю нецелесообразным». И

подпись – «шеф-инспектор Эндрю Аткинсон».

Проклятье, ничего полезного! Я в раздражении дернул плечом и передал документы по Аддерли юристу:

– Теперь все должно быть верно.

Тот, к моему немалому изумлению, продолжал стоять в оцепенении и нелепо шевелил губами, будто что-то вспоминая.

– Так, э-э… А про смерть сэра Олдриджа – это ошибка? – наконец выдавил он. Его глаз дернулся. А потом еще раз. И еще.

Макдонахью с удивлением смерил клерка взглядом:

– Вовсе нет. Сэр Реймонд Олдридж тоже отошел сегодня в мир иной. Ваш знакомый?

Юрист заметно побледнел и пробормотал:

– Не совсем мой… Нашего, э-э-э, клиента… бывшего клиента… сэра Аддерли. Согласно его завещанию я должен отправить письма сэру Олдриджу, его давнему другу, и еще одному господину, но теперь… – Мужчина всплеснул руками. – Как такое могло случиться в одну и ту же ночь! Что же делать!

Мы с Макдонахью переглянулись. И правда – удивительное совпадение…

Мне нужно было срочно удостовериться, что уши меня не обманывают.

– То есть вы хотите сказать, что ваш покойный клиент в завещании приказал передать письмо своему другу, сэру Ол-

дриджу? И тот, по странному совпадению, умер с ним в одну и ту же ночь в другой части города и при других обстоятельствах?

Клерк ошарашенно кивнул – и тут же спохватился.

– Не думаю, что мне стоило об этом говорить! Пожалуйста, не рассказывайте никому об этом! – выпалил он, стремительно развернулся и с удивительной прытью понесся к выходу.

– Дела-а-а, – протянул сержант, провожая юриста взглядом.

Я кивнул, все еще находясь в некотором замешательстве от того, что дело Олдриджа приняло такой удивительный оборот. Оно, кажется, зажило собственной жизнью, начав преследовать меня ровно с того момента, когда я сам собирался сесть ему на хвост. Судьба? Вот уж вряд ли…

Я был так озадачен словами клерка из нотариальной конторы, что не сразу заметил еще одного свидетеля. Слева от конторки стоял неизвестно когда появившийся констебль Доусон – тот самый нервный парень из дома Олдриджа. Не знаю, что он делал в Центральном управлении, так далеко от своего участка, но сейчас у него было лицо человека, в распоряжение которого попали сведения чрезвычайной важности. Поймав мой взгляд, Доусон молча развернулся и скрылся в том же самом коридоре, из которого так внезапно возник.

Меня посетило мерзкое предчувствие, что не пройдет и

пяти минут, как Смиттерсон окажется в курсе всех деталей этого разговора. Похоже, дело Олдриджа для него все-таки важно. А значит, теперь и для меня тоже.

22 октября 1889 года,
западный Лондон,
вскоре после полудня

Подвал в особняке колдуна был источником всего зла. Так подсказывало Джимми рыцарское чутье, которое еще никогда его не подводило. Мальчишка аккуратно выбил ногой остатки стекла и проскользнул в темное маленькое подвальное окошко, из которого веяло сыростью и плесенью.

Расстояние от окошка до пола в подвале было всего ничего, так что приземлиться на ноги не составило труда. Уф, самая трудная часть позади! Джимми довольно хлопнул в ладоши, но тут же спохватился: наделать лишнего шума вовсе не входило в его планы. Он собирался лишь разбить стекло по просьбе того констебля снаружи, чтобы отвлечь старика-дворецкого. А уж после под шумок пролезть в подвал и разобраться, что тут и как, без всех этих надоедливых взрослых, которые никогда не воспринимали его всерьез.

Что говорить, они не поверили ему, даже когда пропал Уолли! Так что Джимми, как настоящему рыцарю, пришлось выручать друга самому. И, раз уж Уолли поймал колдун, то где он может держать его, кроме как в подвале? Если, конеч-

но, Уолли еще жив… Джимми помотал головой, отгоняя эту мысль. Настоящие рыцари не бросают товарищей, попавших в беду!

Мальчик обошел комнату, но не увидел ничего интересного. Все было завалено прогнившими бочками, сломанной мебелью и истлевшим тряпьем. Ничего колдовского, загадочного и опасного. Ну, кроме непонятной штуки на потолке – его покрывала то ли плесень, то ли очень старая паутина. Потолок был таким низким, что ничего не стоило поднять руку и дотронуться до него. Но желания сделать это почему-то не возникало. Джимми наморщил нос. На улице ему встречалась и большая гадость, но разводить такое в доме… Уф, кто поймет этих колдунов?

Сверху послышался скрип половиц и негромкий разговор, затем где-то слева хлопнула дверь – и все снова затихло.

«Видать, констебль уговорил дворецкого пустить его в подвал», – подумал Джимми и порадовался собственной сообразительности. Пусть взрослые сколько угодно считают его глуповатым – уж он-то знает, что это совсем не так!

Мальчик бросил презрительный взгляд на разочаровавшую его комнату и направился в коридор. Здесь было гораздо темнее: свет из маленьких окон под потолком освещал только небольшую часть огромного подвала, и Джимми приходилось перемещаться почти на ощупь. Шаги слышались теперь откуда-то справа, но все еще достаточно далеко. Вряд ли констебль – а кто еще это может быть? – обрадуется са-

моуправству Джимми. Их уговор вовсе не подразумевал, что мальчишка тоже заберется в подвал и будет мешать какому-то важному полицейскому делу.

Впрочем, Джимми это не смущало – он просто шел дальше. Одна комната, другая, третья… Хлам, хлам и еще раз хлам. Ни начертанных кровью пентаграмм, ни ужасных статуй неведомых существ… Джимми нахмурился и покачал головой. Он считал, что в доме любого уважающего себя колдуна должна быть хотя бы парочка страшных статуй. Зачем? Да просто так полагается, вот и все.

Мальчик почесал голову и прошел в соседний коридор. Снова ничего особенного – очередная каморка, заваленная мусором. Только в этот раз на стене слева явственно были видны какие-то рисунки. Мальчик подошел поближе, чтобы их рассмотреть, – и его глаза округлились.

Это были вовсе не рисунки. Это были царапины. Ряд коротких линий, которые прочертили с силой и явным упорством, будто что-то отсчитывая. Джимми вспомнил, что раньше отмечал так дни до Рождества. Только он для этого пользовался угольком и листом бумаги, а не стеной и, кажется, чем-то острым…

Внезапно из подвала донесся приглушенный крик. Затем, спустя полминуты, еще один. А потом Джимми услышал мерзкий скрежет. Такой, будто по каменному полу тащили что-то очень тяжелое. После этого крики смолкли.

Джимми почувствовал, что ноги перестают его слушать-

ся. Он попятился, озираясь в поисках выхода. Пролезть сюда с улицы не составило труда. Но вот выбраться обратно… Окна находились слишком высоко под потолком, чтобы дотянуться до них самому. Конечно, Джимми мог бы на что-нибудь встать, но в комнате, как назло, не было ничего подходящего.

– Эй… Эй ты… – послышалось вдруг.

Звук шел откуда-то сверху. Мальчик огляделся, а затем наконец сообразил задрать голову вверх. За окном снаружи виднелся силуэт. Кто-то наклонился к самой земле и протягивал руку. Свет из окна слепил глаза так сильно, что, даже прищурившись, Джимми не мог рассмотреть лицо незнакомца.

– Х-хватайся, – просипел тот и закашлялся. Казалось, что каждое слово дается ему с огромным трудом.

Джимми огляделся. Никого не было видно, но скрежет приближался. «Была не была!» – решился мальчик, подбежал к окну и уже протянул было руку, когда его слегка привыкшие к свету глаза увидели лицо того, кто предлагал ему помощь. На Джимми смотрел… череп. Почерневший, обугленный, покрытый кровавыми язвами, с лопнувшей кожей и провалом на месте носа.

Мальчик пронзительно закричал, отдернул руку и упал на холодный каменный пол. Скрежет раздался совсем рядом. Теперь он был прямо у Джимми за спиной.

Незнакомец бросил на мальчишку последний взгляд и с

трудом поднялся на ноги. Он поправил широкополую шляпу, лишившуюся красного пера, и похромал прочь от особняка.

К сожалению, здесь он больше ничем не мог помочь.

Глава 3. Сверххищник

22 октября 1889 года,
центральный Лондон,
незадолго до полудня

Найти Джимми не составило труда. Вместе с другими мальчишками он играл в камешки прямо во дворе Управления и, кажется, безнадежно проигрывал. Когда я подошел, у пацана уже закончились медяки и он ставил на кон свой старый драный ботинок. Почему-то левый. Правым он, видимо, дорожил гораздо больше.

Долго уговаривать беспризорников не пришлось – поторговавшись для порядка, они согласились организовать слежку за юридической конторой, домом Олдриджа и тем, что осталось от особняка Аддерли. Джимми при этом даже не пытался скрыть свою радость. Не знаю, что вдохновило его больше – возможность заработать пару шиллингов или так удачно выйти из игры, сохранив при этом лицо и единственную пару башмаков.

Самые большие ожидания я возлагал на фирму, в которой работал краснолицый тип – утренний посетитель Управления, поэтому туда отправились сразу два соглядатая. Если я прав и Смиттерсон заинтересовался письмом, то его люди тоже будут там. Хотя бы для того, чтобы проверить, нет ли

в письме объяснения тому, что именно произошло минувшей ночью… И самоубийство, и якобы случайный пожар, которые привели к смерти двух знакомых между собой аристократов, были слишком похожи на попытки что-то скрыть. Так что особняки Аддерли и Олдриджа я тоже не обделил вниманием – к ним отправились еще двое мальчишек. Одним из них был Джимми, который сразу же вызвался шпионить за домом старика. Его энтузиазм показался мне нездоровым, но других желающих сунуться в пристанище «проклятого колдуна» все равно не наблюдалось.

Итак, еще в полдень маленькая армия беспризорников отправилась на место расследования. Я же посчитал, что привлекать к себе лишнее внимание не стоит, прилежно отработал свою смену и около девяти вечера уже сидел дома у горящего камина, обложившись бумагами от информатора.

Последний вопреки собственным обещаниям так и не объявился, поэтому я размеренно перебирал страницы, пытаясь связать разрозненные обрывки информации хоть в какое-то подобие целого. Получалось не очень. Постель так и манила, но с минуты на минуту на порог должна была явиться моя личная армия соглядатаев-беспризорников и отчитаться о достигнутых ими результатах. Или об их отсутствии – оплату они получали в любом случае.

Первым явился оборванец, который дежурил на пепелище у особняка Аддерли. Он сообщил, что не видел ничего интересного: полицейские сняли оцепление уже к вечеру и око-

ло дома начали рыскать заинтересованные остатками чужого имущества граждане. Малец посчитал, что работенка становится слишком опасной, и потребовал накинуть ему деньжат. Если я, конечно, хочу, чтобы он туда вернулся. Я не хотел – если за сегодня, по горячим следам, там ничего не случилось, то вряд ли случится позже. Не позволив втянуть себя в торг, я отдал мальчишке заработанные им деньги и выставил за порог, не забыв, однако, поблагодарить: нужно же вносить свой вклад в воспитание подрастающего поколения… Пацан моих манер не оценил – он явно рассчитывал продолжить сотрудничество на более выгодных для себя условиях, поэтому только показал мне на прощанье неприличный жест и шустро скрылся за поворотом.

Что ж, первый блин комом.

Спустя час на пороге появились два запыхавшихся мальчугана, которые провели день следя за «Вильямс и Кларкс». Один, рыжий и чумазый, не давая второму вставить и слова, протараторил, что в контору приходили двое полицейских, которые искали нашего краснолицего юриста и те письма, находящиеся на его попечении.

– Именно его – и именно письма? – прищурился я. – Не одно письмо?

Конечно, перед отправкой на задание я описывал сорванцам внешность клерка, но их успехи все равно выглядели подозрительно. Про количество писем речь не заходила, и, если в Участке краснолицый не оговорился, их и в самом деле

должно было быть как минимум два. Впрочем, мальчишки, так же как часом раньше их меркантильный приятель, могли просто подогревать мое любопытство в надежде продолжить вытягивать деньги.

Рыжий уловил недоверие в моем голосе и перешел в наступление.

– Да у них там окна огроменные! Мы пробежались вокруг дома и враз увидели, в какой комнате ваши ошиваются, – фыркнул он и дерзко добавил: – За бобиками следить – много ума не надо!

Я поморщился. Бобиками в народе пренебрежительно называли полицейских. Бобби, или Роберт Пиль, был основателем службы столичной полиции и по совместительству очень известным человеком. И, хотя меня не особенно задевала эта кличка, с откровенным и бессмысленным хамством мириться оказалось трудно…

Второй мальчишка, который все это время молчал, правильно истолковал выражение моего лица и ткнул своего друга локтем под ребра. Тот зашатался, еле устояв на ногах, и отвесил обидчику подзатыльник. С минуту они испепеляли друг друга взглядами, издавали странные звуки и корчили рожи. Кажется, за все время этого представления первый так и не понял, в чем именно он провинился.

– Так что же вы видели? – Я прервал их потуги на незаметное выяснение отношений: слишком уж жалким было зрелище.

Рыжий, тут же забыв про ссору, с азартом продолжил:

– Значит, так, двое бобиков этого свинорылого… Ну, мужика с красным лицом… хорошенько так прижали. Он сначала им все на дверь показывал, орать даже начал, говорил, что главному доложит. Потом позвал какого-то другого из той же конторы, на грача похожего. Он точно поважнее свинорылого был, может, как раз и начальник его тот самый…

– Ты не придумывай, – остановил я пацана. – Говори только то, что видел.

– Ладно, ладно… – проворчал мальчишка с видом литератора, из гениального произведения которого редактор вырезал лучшие места. – Стало быть, этот второй, который пришел, быстро всю спесь подрастерял. Бобики ему что-то такое сказали, что он аж белым стал. И свинорылому, видать, передал – тот тоже враз шелковым сделался… А потом «грач» вышел и вернулся с какими-то бумажками. Отдал их бобикам – те довольные были, даже руку ему пожали. Ну и все, вышли они оттуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.